

И.А. Бунин и М.А. Волошин: К истории взаимоотношений¹

А.С. Аристова (Тинникова)

Аннотация: В статье предпринята попытка проследить историю взаимоотношений И.А. Бунина и М.А. Волошина от начала их знакомства в 1900-х гг. до времен Гражданской войны. В работе представлена взаимная оценка творчества обоих поэтов, разногласия в отношении к новой власти, отразившиеся в записных книжках Веры Николаевны и воспоминаниях Бунина. Также приводятся возможные причины резкого тона Бунина, в целом не столь плохо относившегося к Волошину, в некрологе поэту. Статья не только проливает свет на историю взаимоотношений двух поэтов, но и иллюстрирует противоречивость и неоднозначность оценок революции, Гражданской войны и французских интервентов в кругу русской интеллигенции.

Ключевые слова: И.А. Бунин, М.А. Волошин, Гражданская война, Одесса, творческие замыслы, переписка, разногласия, записные книжки, оценка творчества, некролог

Информация об авторе: Анастасия Станиславовна Аристова (Тинникова), аспирант, научный сотрудник ИМЛИ РАН. Москва. E-mail: atinnikova@bk.ru

В своей работе мы попытаемся проследить историю взаимоотношений Бунина и Волошина с начала их знакомства в 1900-х гг. до времен Гражданской войны. Эта тема кратко освещалась во вступительной статье Жоржа Шерона к переписке Волошина с Буниными в 1919 г.² Однако в статье затрагиваются лишь события 1919 г., в то время как знакомство двух поэтов началось много раньше. События, оставшиеся за рамками той статьи, мы и попытаемся изложить в настоящей работе.

История взаимоотношений Бунина и Волошина берет начало в середине 1900-х гг. Встречи этого времени носили случайный, редкий и мимолетный характер³. О близком общении между двумя поэтами в этот период говорить не приходится. Будучи столь непохожими друг на друга, они не могли сблизиться добровольно по идейным и творческим интересам: религиозно-мистическое, историософское

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410).

² Шерон Ж. Бунины и М.А. Волошин: письма 1919 года // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2010. Вып. II. С. 501–503.

³ *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 6. Кн. 1: Проза 1906–1916. М.: Эллис Лак, 2007. С. 628.

восприятие Волошина было чуждо критично-ироничному, реалистическому восприятию Бунина. Однако судьба сведет их вместе в Одессе в период Гражданской войны, действительно ставшей для них, выражаясь словами Волошина, «спайкой душ». В мирное же время в отношении друг к другу они были скорее сторонними наблюдателями. Как вспоминал позже Бунин в некрологе, посвященном Волошину: «я лично знал Волошина не близко, – особенно до наших последних встреч в Одессе зимой и весной девятнадцатого года, – но со времен довольно давних». Первые стихи Волошина Бунин оценил невысоко и в некрологе признавался: «Судя по ним, трудно было предположить, что с годами так окрепнет его талант, так разовьется внешне и внутренне»⁴. Из первых московских встреч Бунину особенно запомнилась внешность Волошина и его манера декламировать стихи. И то, и другое он оценил далеко не лестно. Бунин не оставил в тот период последовательную и обоснованную оценку творчества Волошина, в то время как Волошин посвятил большую статью тому стихов Бунина, выпущенному издательством «Знание» в составе собрания его сочинений⁵. Эту статью следует признать самым значимым из ранних соприкосновений двух поэтов.

Здесь Волошин в качестве основной тенденции современной ему поэзии выделяет стремление к музыкальности стиха, достигающее таких пределов, что звучание порой доминирует над смыслом. Особенно на этом фоне, по мнению Волошина, стоит Бунин, которому, по его словам, оказалась совершенно чужда «вся громадная работа музыкальных завоеваний в области русского стиха». В отличие от современников у него «нет ритма, нет струящейся влаги стиха», «его мысль никогда не обволакивается в законченную и стройную строфу». Однако отсутствие музыкальности и отточенности формы в стихотворениях Бунина не мешает Волошину признать в нем «истинного и крупного поэта», потому что ему удалось «достичь конечных точек совершенства» в другой области – «чистой живописи», в пластичности и красочности образов, в живописном, «близком левитановскому», изображении русского пейзажа. Поэтому корни бунинского стихотворного дара, по мнению Волошина, лежат не в русской поэзии, а в русской прозе: в пейзажах Тургенева и описаниях Чехова, «точно эта школа интимного пейзажа захотела сжаться, отчеканиться, закристаллизоваться в стихе Бунина»⁶. Такое восприятие Бунина как поэта реалистической школы в целом было характерно для

⁴ Бунин И.А. О Волошине // Последние новости. 1932. № 4187, 8 сент. С. 3.

⁵ Бунин И.А. Стихотворения 1903–1906 г. СПб.: Знание, 1906.

⁶ Волошин М.А. «Стихотворения» Ивана Бунина // Русь. 1907. № 5, 5 янв. С. 3.

его современников⁷. Волошин заметил и такие особенности прозы Бунина, как краткость письма, тяготение к сжатому, лапидарному оформлению художественных произведений, предпочтение малых прозаических форм большим. В этих чертах Волошин видел общую тенденцию времени, последние достижения литературного процесса. Об этом он пишет к С.Г. Кожевниковой в письме от 4 марта 1923 г.: «Стремление к краткости и сжатости лежит в основе каждого литературного прогресса. В русской беллетристике работа над сжатостью началась с Чехова и через Ремизова, Бунина, Толстого (А.Н.)»⁸.

Гораздо теснее судьба свела двух поэтов во время Гражданской войны, когда в 1919 г. оба оказались в Одессе. Волошин жил здесь некоторое время на квартире Цетлиных и не раз встречался с Буниными, даже принимал участие в спасении от реквизиции особняка, в котором они жили, придумав повесить на него вывеску: «Художественная неореалистическая школа». По возвращении Волошина в Коктебель между ними завязалась переписка, однако вскоре Бунины покинули Россию, и общение между поэтами было прервано навсегда.

Отношения Бунина и Волошина в одесский период складывались негладко. В Одессе они поняли, что принадлежат одному кругу интеллигенции, которая собралась в Одессе, бежав от ужасов Гражданской войны, поэтому они старались держаться вместе. Волошин не раз ночевал у Буниных, вместе они проводили вечера, на которых обсуждали злободневные вопросы современности, пытаясь угадать дальнейший поворот истории, развязку текущих событий. Тем не менее между двумя поэтами часто возникали разногласия и споры. Принципиально различным было мнение о том, как относиться к большевикам. Волошин пытался взаимодействовать с новой властью, искать компромиссы. Когда в апреле 1919 г. Одессу заняла Красная армия, в городе была создана комиссия по подготовке празднования Первого мая. Пребывавшим в Одессе художникам было предложено принять участие в украшении города. Волошин с готовностью откликнулся на эту просьбу, считая, что искусство лежит вне политики. Однако это вызвало резкое осуждение Бунина, принципиально не желавшего сотрудничать с новой властью, которая была ему чужда и ненавистна. Вера Николаевна приводит в записных книжках столь характерный для Волошина довод, которым

⁷ Брюсов В.Я. Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 1. С. 71; Абрамович Н.Я. [Рец.:] Стихотворения 1903–1906 гг. // Образование. 1906. № 12. Отд. II. С. 113–114.

⁸ Волошин М.А. Собр. соч. Т. 12: Письма 1918–1924. М.: Эллис Лак, 2013. С. 629.

он ответил на резкое возражение Бунина: «... не нужно ни от кого от-вертываться. Нужно всё принимать. В мире всё есть, кроме любви. Любовь несет человек»⁹. На это Бунин, «едва сдерживаясь», ответил, что принимать участие в украшении города – это «значит помогать врагу». Волошин был исключен из комиссии по украшению города, а его предложение своих услуг было расценено как попытка втереться в доверие. Узнав о том, что помощь Волошина грубо отвергли, Бунин скажет: «Я рад, что Волошину попало»¹⁰. Таким образом, идеи Волошина, которыми он столь охотно делился, в глазах Бунина потерпели крах. Однако справедливости ради стоит заметить, что, несмотря на не всегда удачные попытки Волошина лавировать меж двух огней, не примыкая ни к одному, или, как ответил бы сам Волошин, летать на двух крыльях – красном и белом, за время Гражданской войны ему многих удалось спасти от смерти. Среди спасенных были, в частности, историк-археолог генерал Маркс и поэт Осип Мандельштам. Спасая красных от белых и белых от красных, Волошин проявлял редкую изобретательность. Например, всем, кто бывал в доме Волошина, наверняка запомнилась его картина-триптих, которая служила входом в маленькое темное помещение под самой крышей, – именно там поэт укрывал преследуемых.

В корне отличалось отношение Бунина и Волошина к союзникам. С ноября-декабря 1918 по апрель 1919 г. французские и английские корабли контролировали морское пространство у пределов одесского порта. Судна союзников воспринимались Буниным как последняя надежда, как возможность спасения и защиты от произвола красных. Прибытию английского миноносца посвящено стихотворение Бунина «22 декабря 1918 года», передающее чаяния, с ним связанные:

И боль, и стыд, и радость. Он идет,
Великий день, – опять, опять варягу
Вручает обезумевший народ
Свою судьбу и темную отвагу.

Да будет так. Привет тебе, варяг.
Во имя человечности и Бога,
Сорви с кровавой бойни наглый стяг,
Смири скота, низвергни демагога.

⁹ Запись В.Н. Буниной от 2/15 апреля 1919 г. // Устами Буниных. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977. Т. 1. С. 233.

¹⁰ Запись В.Н. Буниной от 25 апреля 1919 г. // Устами Буниных... Т. 1. С. 241.

Довольно слез, что исторгал злодей
Под этим стягом «равенства и счастья»!
Довольно площадных вождей
И мнимого народовластья!

Однако в мае 1919 г. французские суда, стоявшие в море в течение нескольких месяцев и подававшие надежду на спасение сторонникам белого движения, скрылись. Это отразилось в «Окаянных днях» И.А. Бунина, в записях конца мая 1919 г. Писатель отмечает, что, ожидая чуда, они каждый день ходили на берег проверять, не ушел ли миноносец союзников, при котором «как будто легче»: «Всё кажется, что есть хоть какая-то защита, что, в случае каких-нибудь уж слишком чрезмерных зверств над нами, миноносец может начать стрелять... что если он уйдет, уж всему конец, полный ужас, полная пустота мира...»¹¹ Но то, что было «ужасом» для Бунина, Волошин воспринимал иначе. После ухода союзнической эскадры он написал стихотворение «Неопалимая Купина» с подзаголовком «В эпоху бегства французов из Одессы», где то же событие получает в корне отличное осмысление:

Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение – смерть¹².

Волошин воспринимал французскую интервенцию, бывшую для Бунина надеждой и спасением, как вмешательство в личные дела России, интервентов не касающиеся.

События революции и Гражданской войны глубоко отразились в творчестве Волошина, которое теперь обрело историческое измерение, а его поэтический талант набрал полную силу. Эволюцию творчества Волошина видел и Бунин, который, несмотря на идейные разногласия и критику отдельных стихов, не мог не признать того, что его творческий дар расцвел и развился: «Читал он тут много новых стихов о всяких страшных делах и людях как древней России, так и современной, большевицкой. Я даже дивился на него – так далеко шагнул он вперед в писании стихов, и в чтении их, так силен и ловок стал и в том, и в другом»¹³. Сам же Бу-

¹¹ Бунин И.А. Окаянные дни / Под ред. А.К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1990. С. 109.

¹² Здесь и далее цит. по: Волошин М.А. Собр. соч. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1899–1926 / Под ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2003. С. 293.

¹³ Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 190.

нин не пропускал события революции и Гражданской войны в свои стихи. Трагические события русской истории если и отразились в поэзии Бунина, то ушли глубоко в подтекст. Например, в 1919 г. он написал стихотворение «Потерянный рай», в котором Адам и Ева скорбят об утерянном райском блаженстве, утраченной «обители отчей», прося о помиловании и возвращении потерянного: «Иисусе Христе, миленький! / Прости душу непотребную! Вороти в обитель отчую!» Установка на отгораживание поэзии от страшных событий современности была принципиальна для Бунина. Потому он не мог простить Волошину того, из какого материала и при каких обстоятельствах писались его стихи, казавшиеся ему «самоупоенным», «кошунственным словоизвержением»: «...был у него и другой грех: слишком литературное воспевание самых страшных, самых зверских злодеяний русской революции»; «Кем надо было быть, чтобы бряцать об этом на лире, превращать это в литературу, литературно-мистически закатывать по этому поводу под лоб очи?»¹⁴ Чуждо было Бунину и религиозно-мистическое осмысление событий. У него была однозначная и резкая оценка происходящего. Поэтому стихотворения Волошина, в которых он осмысливал события в философско-религиозном, мистическом ключе, казались ему подчеркнута громкими, театральными, искусственными. Судя по всему, Волошину были известны вкусовые предпочтения Бунина. Наверняка критику определенных произведений он слышал от него при личных встречах в Одессе. Об этом можно судить по тому, какие стихотворения отправлял Волошин Бунину, уже вернувшись в Коктебель. Например, в письме от 7/20 ноября 1919 г. Волошин просит Бунина прочесть его новые стихи, которые он отправил Л. Гроссману, снабжая просьбу следующим комментарием: «Я в них сделал попытку подойти *более реалистически* (курсив мой. – А.А.) к современности (в цикле “Личины”: стихотворения “Матрос”, “Красногвардеец”, “Спекулянт” и т. д.), и мне бы очень хотелось знать Ваше мнение»¹⁵. Судя по этому, Волошин считал, что хотя его историко-философская и религиозно-мистическая концепция чужда Бунину, но стихотворения, в которых он изобразил типы революции, носителей жестокости времени, Бунин сможет оценить адекватно. И действительно, именно эти стихи Бунин опубликовал в газете «Южное Слово», издававшейся в Одессе с 27 августа/9 сентября 1919 по 12/25 января 1920 г. Таким образом, несмотря на не всегда благосклонную оценку произведений Волошина, Бунин в какой-то мере способство-

¹⁴ Там же. С. 190, 126, 135

¹⁵ Волошин М.А. Собр. соч. Т. 12... С. 274.

вал публикации его произведений и сам попросил его о «немедленном сотрудничестве» в добровольческой газете¹⁶.

Высоко оценил Бунин и поэму Волошина «Протопоп Аввакум». После чтения Волошиным поэмы 5 (18) апреля 1919 г. Бунин записал: «Справился с ним хорошо, фигура написана выпукло. Техника стиха превосходна»¹⁷.

Таким образом, в творчестве Волошина Бунин чувствовал рост и развитие. И не принимая многие его стихи времен Гражданской войны, признавал их лучшим из написанного им. Более того, он ценил его поэтический дар и видел в Волошине одного из крупных поэтов своего времени. Знаменательно, что именно с этого признания начинается мемуарный, в целом довольно ироничный, очерк Бунина «Волошин»: «Максимилиан Волошин был одним из наиболее видных поэтов предреволюционных и революционных лет»¹⁸. О том же свидетельствует случай, зафиксированный в записных книжках В.Н. Буниной 6 сентября 1919 г. Когда пришедший к Бунину тогда еще начинающий писатель Валентин Катаев начал критиковать Волошина, Бунин не стерпел и вступился за него: «Вчера был Валя Катаев. [...] Валя ругал Волошина. Он почему-то не переносит его. Ян [= И. Бунин] защищал, говорил, что у Волошина через всю словесность вдруг проникает свое и настоящее. Да и Волошиных не так много, чтобы строить свое отношение к нему на его отрицательных сторонах. Как хорошо он сумел воспеть свою страну. Удаются ему и портреты»¹⁹. Нужно заметить, что такую оценку могли заслужить далеко не многие современники Бунина, известного своими резкими суждениями.

Дневники Веры Николаевны, переписка Волошина с Буниными и воспоминания Бунина об одесских встречах с Волошиным являются важным источником сведений о том, какие идеи и творческие замыслы волновали Волошина в то время. Особенно ярко запомнилась Ивану Алексеевичу и Вере Николаевне «теория», как ее называли Бунины, о «распятых серафимах». Судя по записям Веры Николаевны, Бунин не переносил этой «теории», в частности, узнав о том, как закончились попытки Волошина участвовать в первомайской комиссии, сказал: «Я рад, что Волошину попало, а то какие-то серафимы...» Но Вера Николаевна заинтересовалась этой теорией, о чем можно судить по дневниковой записи, сделанной после беседы с Волошиным: «Пользуясь отсутствием Яна, расспрашиваю о распятых

¹⁶ Там же. С. 275.

¹⁷ Устами Буниных... Т. 1. С. 234.

¹⁸ Бунин И.А. Воспоминания... С. 184.

¹⁹ Запись В.Н. Буниной от 6 сентября 1919 г. // Устами Буниных... Т. 1. С. 311.

серафимах». Бунин вспомнит эту «теорию» даже в некрологе Волошину 1932 г. Пересказывает он ее, конечно, с иронией. Но и через эти ироничные воспоминания можно реконструировать обстановку, в которой рождались столь значимые для творчества Волошина идеи. Вот что запомнилось Бунину: «Он антропософ, уверяет, будто люди “суть ангелы десятого круга”, которые приняли на себя облик людей вместе со всеми их грехами, так что всегда надо помнить, что в каждом самом худшем человеке сокрыт ангел»; «Он мне в ответ опять о том, что в каждом из нас, даже в убийце, в кретине сокрыт страждущий Серафим, что есть девять серафимов, которые сходят на землю и входят в людей, дабы принять распятие, горение, из коего возникают какие-то прокаленные, просветленные лики»²⁰. Из приведенных цитат видно, что, несмотря на откровенно ироничное отношение Бунина к теории Волошина и категорическое ее неприятие, основные идеи он понял и запомнил, к удивлению, верно и точно. Бунин излагает здесь столь важные для Волошина идеи, отразившиеся в его поэме «Святой Серафим», в стихотворениях «Потомкам», «Из бездны» и других произведениях о войне и революции: идею ангелической природы человека, скрытой под «искаженными обличьями тленного», и идею явления под искаженной личиной ангельского лика через распятие и горение.

В письмах к Буниным Волошин делится волнующими его творческими планами, новыми замыслами. Например, в письме от 7/20 ноября 1919 г. из Коктебеля он замечает, что весь погружен в работу над поэмой о Святом Серафиме. Из письма можно узнать, что поэма изначально задумывалась как диптих с поэмой «Протопоп Аввакум». Однако этот замысел не был осуществлен: так как работа над поэмой «Святой Серафим» затянулась, Волошин не включил ее в рукописную книгу «Неопалимая Купина». Таким образом, письма к Буниным могут послужить и источником реконструкции творческих замыслов Волошина.

Записи Веры Николаевны показывают также, что в то время Волошина очень волновала тема возвращения Смутного времени, повторяемости истории. 23 апреля 1919 г. она отмечает, что беседовала с Волошиным о самозванцах. И он уверял, что как после убиения царевича Димитрия на Руси появилось много самозванцев – Лжедмитриев, так и теперь появится много тех, кто будет выдавать себя за сына последнего императора – Лже-Алексеев, а напоследок спросил Веру Николаевну: «Заметили ли вы, как много мальчиков, похожих на наследника?»

²⁰ Бунин И.А. Воспоминания... С. 192, 193.

Если воспоминания Бунина и Веры Николаевны могут послужить источником сведений о том, какие идеи, мысли, творческие замыслы волновали Волошина в период Гражданской войны, то в письмах Бунина к Волошину и воспоминаниях самого Волошина не отразились идеи и творческие замыслы Бунина тех лет. Здесь, конечно, можно вспомнить то, как оценивала личность Волошина Вера Николаевна: «Он никем не интересуется глубоко»²¹, «людьми он интересуется поверхностно, они ему нужны как декорация для себя самого»²². Однако, думается, дело тут вовсе не в равнодушии Волошина к другим, а в том, что Бунину тогда было вовсе не до творчества. Из происходящих в стране событий он принципиально не делал литературы.

В Одессе Волошин провел не один вечер в беседах с Буниными. На этих вечерах они читали друг другу стихи, обсуждали произведения как свои, так и современников. Взгляды на литературу не всегда совпадали. Например, в записях Веры Николаевны зафиксирован спор на вечере у Цетлиных о поэме Блока «Двенадцать». Волошин вопреки мнению большинства заявил, что поэма ему нравится. И Христос, идущий впереди красногвардейцев, не оправдывает их, потому что не возглавляет их шествие, не ведет их, а, наоборот, ведом ими на распятие, на заклание. Красный же флаг, несомый Христом в руках, – это Его новая Голгофа, символ Его «нынешних распятий». Такая трактовка поэмы вызвала возражения присутствующих, но Волошин ответил, что берется доказать свое прочтение поэмы «с книгой в руках». Бунин, не переносивший поэмы «Двенадцать», не соглашался с таким толкованием и напал на «пошлый язык поэмы», говоря, что не может простить этого Блоку и «ненавидит его за это»²³. Судя по записи Веры Николаевны, с резким мнением Бунина о поэме были согласны все участники вечера, кроме Волошина, горячо отстаивавшего свою точку зрения на произведение Блока. Таким образом, толкование Волошиным поэмы «Двенадцать» резко отличалось от большинства его современников, считавших, что Блок, поместив фигуру Христа в конец поэмы, в начале шествия красногвардейцев, сделал Его предводителем двенадцати и тем самым оправдал их. Мысли Волошина о поэме, высказанные в тот вечер, были изложены в статье «Стихи о революции: Александр Блок и Илья Эренбург»²⁴.

²¹ Запись В.Н. Буниной от 14 апреля 1919 г. // Устами Буниных... Т. 1. С. 232.

²² Запись В.Н. Буниной от 18 апреля 1919 г. РАЛ. MS 1067/364.

²³ Запись В.Н. Буниной от 2 марта 1919 г. // Устами Буниных... Т. 1. С. 210.

²⁴ *Волошин М.А.* Стихи о революции: Александр Блок и Илья Эренбург // Камена (Харьков). 1919. № 2. С. 10–28.

Вечера у Буниных были одним из самых приятных воспоминаний о трудном времени, проведенном в Одессе, о чем пишет Волошин в письме И.А. и В.Н. Буниным от 3/16 мая 1919 г.: «Очень приятно вспоминать последний вечер у Вас проведенный, который так хорошо закончил весь нехороший одесский период»²⁵. В письме к М.С. и М.О. Цетлиным от 5/18 апреля 1920 г. Волошин замечает, что за время пребывания в Одессе очень поддружился с Буниным²⁶. Бунины же оценивали Волошина неровно: дружеское расположение подчас сменялось иронией. В записных книжках Веры Николаевны встречаются критические замечания: «Сам Волошин очень мне кажется тугодумом, какая-то у него очень толстая черепная кость», «много стихов у него высокопарных, риторичных, пустых», «отношение к жизни у него не живое»²⁷. Но встречаются и выражения дружеского расположения и привязанности: «Он, по-видимому, очень легкий и приятно-простой человек [...] было жаль, что пришлось ему уйти в 9 ч. Я даже пожалела, что не предложила ему остаться ночевать у нас»²⁸; «Вероятно, Волошин с Татидой уже у себя. [...] Мне жаль, что они уехали. Мне очень жаль всё же, что Максимилиан Александрович далеко. Он вносил какую-то простоту и давал мне некоторое ощущение Москвы, того, чего нет у одесситов»²⁹.

Описывая прощание с Волошиным перед его отплытием в Коктебель (после они уже никогда не увидятся), Бунин замечает, что в тот вечер они беседовали «почти во всем согласно, мирно», а прощаясь, «взволновались и обнялись», правда, потом Бунин добавляет, что Волошину и это событие удалось превратить в фарс: на прощание он «очень хорошо стал изображать медвежонка», чем всех развеселил³⁰.

Сотрудничество Волошина с Буниным в газете «Южное Слово» уже после его отъезда в Коктебель, а также случай с Валентином Катаевым, когда Бунин признал, что Волошину удалось воспеть свою родную страну, свидетельствуют о том, что изначально отношение Бунина к Волошину не было столь насмешливым и ироничным, как во время написания некролога, где умершего поэта он представил как «толстого кудрявого эстета, любезного и неутомимого говоруна, большого любителя покушать»³¹. Думается, такая оценка сложилась у Бунина уже в эмиграции. Обвиняя Волошина в слишком литера-

²⁵ Волошин М.А. Собр. соч. Т. 12... С. 213.

²⁶ Там же. С. 303.

²⁷ Устами Буниных... Т. 1. С. 206, 232, 225.

²⁸ Там же. С. 229.

²⁹ Запись В.Н. Буниной от 15 мая 1919 г. РАЛ. MS 1067/360.

³⁰ Бунин И.А. Воспоминания... С. 190.

³¹ Там же. С. 196.

турном воспевании «самых страшных, самых зверских злодеяний русской революции», в качестве примера Бунин приводит строки из стихотворения «Бойня», написанного в июле 1921 г., т. е. уже после того, как Бунины покинули Россию (январь 1920 г.). Следовательно, с этим стихотворением Волошина Бунин по каким-то источникам ознакомился уже в эмиграции, что отчасти и повлияло на изменение отношения к Волошину не в лучшую сторону. И, что еще удивительнее (этот факт отмечен в комментариях в собрании сочинений Волошина³²), не принимая стихов Волошина о зверских и страшных событиях Гражданской войны, Бунин, чтобы вспомнить ужасы 1919 г., использует стихотворение Волошина «Террор» (1921), почти дословно пересказывая его, но этот пересказ подает как свое, авторское слово:

М. Волошин
«Террор»

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.

С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликали по спискам *мужчин, женщин.*
Сгоняли на темный двор.

Снимали с них обувь, белье, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.

Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.

Загоняли прикладами на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты работали пулеметы.
Доканчивали штгыком.

Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город домой.

А к рассвету пробирались
к тем же оврагам
Жены, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.

И. Бунин
Некролог «Волошин»

...Вот девятнадцатый год: этот год был одним из самых ужасных в смысле большевических злодеяний. Тюрьмы Че-ка были по всей России переполнены, — хватали кого попало, во всех подозревая контрреволюционеров, — *каждую ночь выгоняли из тюрем мужчин, женщин, юношей на темные улицы, стаскивали с них обувь, платья, кольца, кресты, делили меж собою. Гнали разутых, раздетых по ледяной земле, под зимним ветром, за город, на пустыри, освещали ручным фонарем... Минуту работал пулемет, потом валили, часто недобитых, в яму, кое-как заваливали землей...*

Кем надо было быть, чтобы бряцать об этом на лире, превращать это в литературу, литературно-мистически закатывать по этому поводу под лоб очи? А ведь Волошин бряцал:

Носят ведрами спелые гроздьи,
Валят ягоды в глубокий ров...
Ах, не гроздьи носят, юношей гонят
К черному точилу, дают вино!

³² Волошин М.А. Собр.соч. Т. 1... С. 550.

Стихотворение Волошина «Террор» представляет собой фиксацию самых страшных событий того времени, передает ничем не прикрашенный ужас тех дней. Стиль стихотворения протокольный, скупой, никаких художественно-выразительных средств в нем нет. Ни о какой излишней литературности здесь не может быть и речи. Бунин же эти зафиксированные Волошиным события почти дословно пересказывает, с той же целью, что и Волошин: изобразить ужасы и злодеяния того времени. Но пересказ этого протокольного по стилю стихотворения он использует для обвинения Волошина в излишней литературности, приводя далее в пример отрывки из совсем другого стихотворения – «Бойня», о стихотворении же «Террор», которое он явно использовал, умалчивает. Бунин проявил непоследовательность и неискренность в отношении к Волошину: прекрасно зная, что у поэта есть стихотворения совсем иного рода, в доказательство своих слов он приводит в пример то стихотворение, которое получило некоторую литературную обработку. Таким образом, обвинение, выставляемое Волошину, – всего лишь поза, которую Бунин принимает в статье, но сам он в это обвинение не верит.

Некролог Бунина «Волошин» в печати появился не в числе первых. Читая уже опубликованные некрологи, Бунин с иронией отнесся к таким именованиям Волошина, как «пророк», «провидец грядущего русского катаклизма», заметив, что такие громкие слова пишутся чуть ли не поголовно обо всех, кто в стихах и прозе касался русской революции. По всей видимости, у Бунина как человека тщеславного такие высказывания вызывали настоящее раздражение. Вспомним, что хвалебных отзывов о Блоке он тоже не переносил. Поэтому неудивительно, что среди всего написанного наиболее близкой ему показалась статья А. Бенуа³³, в которой тот замечает, что стихи Волошина никогда не вызывали у него доверия и в отношении к нему он навсегда сохранил некоторую иронию. Основной же мыслью Бенуа является то, что Волошин сумел остаться в Советском Союзе и даже читать свои самые страшные стихи о революции перед лицом советских идеологов только потому, что его никто не принимал всерьез, везде относились к нему как к «шуту гороховому». В этом-то направлении, заданном Бенуа, Бунин и пишет о Волошине. Ссылаясь на статью Бенуа, он уже имеет единомышленника в печати. На обе статьи, написанные в издевательском тоне, что нетипично для некрологов, откликнется Дмитрий Философов своей работой «Дело

³³ Бенуа А. О Максимилиане Волошине // Последние новости. 1932. № 4176, 28 авг. С. 4.

Волошина»³⁴, где появившиеся в печати разногласия относительно личности Волошина представит как судебный процесс над умершим поэтом, в котором Бунин и Бенуа займут позиции обвинителей. Однако суд над Волошиным в статье Философова превращается в суд над самими обвинителями. Бенуа он обвинит в предательстве Милюкова и заискивании перед Горьким, а затем в повторном возвращении к Милюкову, Бунина же – в том, что он, как и Бенуа, опубликовал свою статью в газете Милюкова, как бы выполняя его «социальный заказ». В заключение Философов приходит к выводу, что если Волошин и исполнял роль «шута горохового» при советском правительстве, не скрывая своих мыслей от проконсулов, то эта роль была гораздо благороднее тех ролей, которые играли Бенуа и Бунин.

Религиозно-мистические искания времени, увлечение оккультными течениями: теософией и антропософией, осмысление происходящих событий в религиозно-мистическом ключе не были близки Бунину. Однако когда судьба свела его с Волошиным в Одессе во время Гражданской войны, он не относился к Волошину издевательски. Издевательский же тон некролога, думается, во многом был навеян статьёй Бенуа и хвалебными дифирамбами Волошину, которые вызвали у Бунина раздражение и обратную реакцию.

Литература

- Бенуа А. О Максимилиане Волошине // Последние новости. 1932. № 4176, 28 авг. С. 4.
Брюсов В.Я. Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 1. С. 69–73.
Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. 272 с.
Бунин И.А. Окаянные дни / Под ред. А.К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1990. 414 с.
Волошин М.А. Собр. соч. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1899–1926. М.: Эллис Лак, 2003. 608 с.
Волошин М.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. 1: Проза 1906–1916. М.: Эллис Лак, 2007. 896 с.
Волошин М.А. Собр. соч. Т. 12: Письма 1918–1924. М.: Эллис Лак, 2013. 992 с.
Устами Буниных. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977. Т. 1. 367 с.
Шерон Ж. Бунины и М.А. Волошин: письма 1919 года // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II. М.: Русский путь, 2010. С. 501–509.

References

- Benua A. O Maksimiliane Voloshine [About Maximilian Voloshin]. In: *Poslednie novosti*, 1932, № 4176, 28 avg., p. 4. (In Russ.)
Bryusov V.Ya. Novye sborniki stihov [New collections of poems]. In: *Vesy*, 1907, № 1, pp. 69–73. (In Russ.)

³⁴ Философов Д.В. «Дело Волошина» // Молва. 1932. № 137, 18 сент. С. 3.

- Bunin I.A. *Vospominaniia* [Memoirs]. Paris, Vozrozhdenie Publ., 1950. 272 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. *Okayannye dni* [Cursed days], pod red. A.K. Baboreko. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1990. 414p. (In Russ.)
- Voloshin M.A. *Sobr. soch. T. 1: Stikhotvoreniia i poemy 1899–1926* [Collected works. Vol. 1: Poetry 1899–1926]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2003. 608 p. (In Russ.)
- Voloshin M.A. *Sobr. soch. T. 6. Kn. 1: Proza 1906–1916* [Collected works. Vol. 6. Part 1: Prose 1906–1916]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. 896 p. (In Russ.)
- Voloshin M.A. *Sobr. soch. T. 12: Pis'ma 1918–1924* [Collected works. Vol. 12: Letters 1918–1924]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2013. 992 p. (In Russ.)
- Ustami Buninyh* [According to Bunins' testimony]. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1977. Vol. 1. 367 p. (In Russ.)
- Sheron Zh. Buniny i M.A. Voloshin: pis'ma 1919 goda [Bunins and M.A. Voloshin: Letters of 1919]. In: *I.A. Bunin. Novye materialy. Iyp. II*. Moscow, Russkii put' Publ., 2010, pp. 501–509. (In Russ.)

I.A. Bunin and M.A. Voloshin: On the history of relationships

Anastasia S. Aristova (Tinnikova)

Abstract: In the article it is attempted to trace the history of relationships of I.A. Bunin and M.A. Voloshin from the beginning of their acquaintance in the 1900s to the times of the Civil War. The work presents a mutual evaluation of the creativity of both poets, disagreement over the new government, that are reflected in Vera Nikolaevna's notebooks and Bunin's memories. Also there are possible reasons for the sharp tone of Bunin, who didn't have such a bad opinion of Voloshin, in his necrologue to the poet. The article not only sheds light on the history of the relationship between the two poets, but it illustrates contradictory and ambiguous assessments of the revolution, the Civil War and the French interventionists among the Russian intelligentsia.

Keywords: I.A. Bunin, M.A. Voloshin, Civil War, Odessa, creative ideas, correspondence, disagreements, notebooks, creativity assessment, necrologue

Information about the author: Anastasia S. Aristova (Tinnikova), post-graduate student and research fellow of A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. Moscow. E-mail: atinnikova@bk.ru